КНИГА ЗА КНИГОЙ

Эдуард Шим

КТО КОПЫТО ПОТЕРЯЛ?

Издательство
«Детская литература»

ЭДУАРД ШИМ

КТО КОПЫТО ПОТЕРЯЛ?

Рассказы и сказки

Издательство
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“
Москва 1969

Р 2
Ш 61

Об авторе этой книги

Эдуард Юрьевич Шим родился в 1930 году в Ленинграде. Окончив школу-семилетку, он поступил работать на завод, затем учился в Архитектурно-художественном училище. Служил в армии. Вернувшись из армии, работал в газетах.

Первая книга рассказов — «Лето на Корбе» — вышла в 1951 году в Детгизе. Затем вышли новые книги: «Неслышные голоса», «Ночь в конце месяца», «След на воде», «Деревянная книга», «Мартовский снег», «Ливень», «Мальчик в лесу», и много других книг для детей и взрослых.

Книги Э. Ю. Шима получили широкое признание и любовь юных и взрослых читателей.

«...Человек, который понял песенку лесного колокольчика-цветка, — непременно поэт и отлично может быть волшебным переводчиком со всех лесных на наш человеческий язык. По первым же книжкам Эдуарда Шима не трудно было угадать его большое дарование... Он призван обратить наш слух к бессловесным голосам земли и помочь нам увидеть на ней жизнь, то странно непохожую на нашу, то вдруг до смешного на неё похожую».

Так несколько лет назад писал о тогда ещё молодом писателе Эдуарде Шиме замечательный писатель, певец родной русской природы Виталий Бианки.

Эти слова можно отнести и к маленьким поэтическим рассказам и сказкам, собранным в книге «Кто копыто потерял?».

Художник А. Келейников

7—6—2

* * *

— Чу, весенние капли заиграли!
— Это не капли.
— Чу, весенние льдинки звенят!
— Это не льдинки.
— Чу, весенние ручейки побулькивают!
— Это не ручейки.
— А что это?
— Это синица на берёзе голос пробует!

ТЕТЕРЕВА НАД ВОДОЙ

Разлив. Тетерева на берёзах сидят, в воду глядят. А внизу, в голубой воде, — тоже белые берёзы видны, и на белых берёзах тоже сидят чёрные тетерева.

Верхние глядят на нижних, похваливают:

— Красны брови хорош-ши! Хороши!

Нижние глядят на верхних, тоже похваливают слово в слово:

— Красны брови хорош-ши! Хороши! . .

Глядят на себя тетерева, не наглядятся.

ЖАВОРОНОК

Взлетел с проталинки жаворонок, запел, зазвенел серебряным бубенчиком.

Чем выше поднимается, тем ясней слышна его песенка.

Над полем поднялся — на всё поле слышна.

Выше леса поднялся — на все окрестные леса слышна.

Ещё выше поднялся — пропал в голубом небе, совсем не видать его.

А серебряный бубенчик всей земле слышен.

ВСЕМУ СВОЙ СРОК

Зайчонок-настовичок в марте родился, когда ещё земля в белых снегах лежала.

Шубка у Зайчонка тёплая. Молочко у Зайчихи сытное. Сидит Зайчонок под кустиком, круглыми глазами во все стороны поглядывает. Ничего, жить можно. . .

Дни проходят. Растёт Зайчонок. И скучно ему стало.

— Что же, — говорит он Зайчихе, — так всё вре-

мя и будет? Под кустом сиди, на белый снег гляди, дожидайся, когда тебя молочком покормят?

— Погоди, — Зайчиха говорит. — Всему свой срок. Скоро весна разыграется, будешь по зелёному лесу бегать, сладкую травку зубрить.

— А скоро это?

— Скоро!

Дни проходят. Солнышко пригревает, снег в лесу оседает, вокруг деревьев лужицы.

Зайчонку не терпится:

— Ну, где же лес зелёный, где травка сладкая? Не хочу больше ждать!

— Погоди, — Зайчиха говорит. — Всему свой срок.

Дни проходят. Снег тает в лесу, капли щёлкают, ручейки позванивают.

Зайчонку невтерпёж:

— Ну, где же лес-то зелёный?! Где травка сладкая?! Не буду, не буду ждать больше!

— Погоди, — опять Зайчиха говорит. — Всему свой срок.

Дни проходят. В лесу половодье, над сырой землёй туманы стелются, в небе клики журавлиные слышны.

— Ну, — грустит Зайчонок, — видать, это сказки — про зелёный лес да травку... Ничего этого не бывает на свете. И напрасно я ждал!

— А посмотри-ка! — Зайчиха говорит. — Оглянись!

Оглянулся Зайчонок — и увидел на берёзе первые зелёные листики. Махонькие-махонькие! Посмотрел на землю — и увидел, как первые травинки проклюнулись. Тоненькие-тоненькие!

И так-то обрадовался Зайчонок, так-то развеселился! Прыгает на нескладных лапках своих, кричит:

— Ага! Ага! Разгорелась весна! На деревьях листики зелёные! На земле травка сладенькая! Вот хорошо! Вот славно!

— Пришёл срок твоей радости, — усмехается Зайчиха.

— Да-а, — говорит Зайчонок, — а долго-то как! Я весь изождался! Ждал-ждал, ждал-ждал...

— А если бы не ждал, — говорит Зайчиха, — разве ты бы махонькому листочку, тоненькой травинке обрадовался?

БЕРЁЗОВЫЙ КУВШИНЧИК

Сухой берёзовый сук ветром на землю сбросило. Ударился сук, разломился.

Мелкие веточки в траве потерялись, большие гнилушки раскатились кто куда.

Льёт дождик, водой гнилушки заливает. Солнышко светит, высушивает гнилушки.

Жуки-древоеды мягкую сердцевину грызут. Сыплются из гнилушек опилки.

Мелкие-мелкие земляные муравьи поселились в гнилушках. Всё нутро источили, одну древесную пыль оставили.

Однажды вышел я на поляну, гляжу — что-то в траве белеется. Поднял.

В руках у меня — лёгкая трубочка из берёзовой коры.

Это всё, что от гнилушки осталось.

Пристроил я к трубке донышко, получился у меня берёзовый кувшинчик. Теперь в нём лесные цветы стоят.

Заходят ко мне гости, спрашивают: «Кто сделал такой красивый кувшинчик?»

«Я сам, — отвечаю, — сделал. Да ещё мне земляные муравьи помогали, да ещё жуки-древоеды, да ещё дождик, ветер и солнышко».

РЫСЬ, ГЛУХАРЬ, ЗАЯЦ И КОСУЛЯ

Рысь, лесная кошка, серая в жёлтых пятнах, на ушах кисточки длинные, сидела на поваленном дереве, на солнышке грелась.

Вешнее солнышко заметно приятным теплом обдаёт. Разнежилась Рысь, медовые глаза прищурила, мурлычет себе под нос.

Прилетел к дереву бородатый Глухарь, сел на ветку, вниз глядит насторожённо.

— Глухарь, а Глухарь, — тоненьким голоском Рысь говорит, — я на солнышке разнежилась, ласки хочу. Спускайся вниз, меня по шёрстке погладишь!

— Нашла дур-рака! — отвечает Глухарь. — Спущусь вниз, а от меня только пёрышки останутся. Сколько ты нашего брата, глухаря, погубила, глаза твои бесстыжие!

— Фу! — говорит Рысь. — Как у тебя клюв поворачивается такие слова говорить! Невежа.

На другой бок повернулась, от солнышка глаза медовые щурит, мурлычет себе под нос.

Скачет по ельнику тощенький Заяц, оглядывается испуганно. Увидел Рысь — уши прижал, вот-вот стрекача задаст!

— Погоди, Заяц, — Рысь говорит. — Подойди поближе... Я на солнышке разнежилась, ласки хочу. Погладь меня по шёрстке!

— Как бы не так! — отвечает Заяц. — Подойдёшь к тебе — и ноги не унесёшь! Сколько ты нашего брата, зайца, извела, глаза твои бессовестные!

— Глухарь, а Глухарь, — тоненьким голоском Рысь говорит, — спускайся вниз, меня по шёрстке погладишь!

— Фу, — говорит Рысь. — Бестолковый зверь какой, одни грубости на уме!

Отвернулась от Зайца, опять медовые глаза прищурила, мурлычет себе под нос.

Скачет через полянку Косуля, лесная козочка, от страха приседает, коротеньким хвостиком трепещет.

— Косуля, Косуля, — Рысь говорит, — я на солнышке разнежилась, ласки хочу! Погладь меня по шёрстке!

— Нет уж, — отвечает Косуля, — я в твои когти попасть не желаю! Сколько ты нашей сестры, косуль, истребила, глаза твои безжалостные!

— Фу-у, — говорит Рысь, — до чего звери набаловались! Так и грубят, так и грубят!

Отвернулась от Косули, обиделась.

А тут и солнышко за лес закатилось. Сумерки надвигаются, холодом потянуло.

Поднялась Рысь на долгие лапы, спину выгнула, мяукнула.

— Ну, вот, — говорит, — живёшь, живёшь, а ласки так и не дождёшься... Эх, звери!

Когти об дерево поточила, кисточки на ушах навострила, в глазах зелёные огоньки зажгла.

— Делать нечего, — говорит. — Пойду кого-нибудь скушаю.

ЗАЧЕМ БОЛЬШАЯ ГОЛОВА?

Волчонок вылез из тёмного логова, уселся посреди полянки, лапы растопырил. Жмурится.

Увидали его птицы с деревьев.

— Ой, — кричат, — какой головастый!

— Ой, смешной да нескладный!

— Зачем тебе голова большущая? Носить тяжело!

— Братцы, не мешайте головастику! Он думает!

— О чём задумался, Волчище?

Почесался Волчонок задней лапой.

— Ещё чего, — говорит. — Охота была думать...

— Братцы, — кричат птицы, — он свою голову про запас носит! Хочет всех умнее вырасти!

— Волчище, ты скоро поумнеешь?

— Когда за ум возьмёшься?

— Будет у нас в лесу мудрый Волк! Правда, лобастик?

Почесался Волчонок другой лапой.

— Подите вы,— говорит,— с вашей мудростью...

— Братцы, — кричат птицы, — а может, для красоты такая голова? Для особенной волчьей красы?

— А может, для крепости? Чем больше да толще, тем крепче?

— А может, в большой голове большой голос помещается?

— Голос-то, чай, в горле! А голова для чего?

Спорят птицы, трещат, пересмеиваются.

А Волчонок поглядел на них да как зевнё-ёт!

В полголовы пасть открылась. А в пасти — зубки беленькие, зубки, зубки... Хоть малы, да уже видно, какими вырастут.

— Понятно? — Волчонок говорит.

И пасть со стуком закрыл.

ЛОСЬ И МЫШЬ

— Ты чего, Лось, отдуваешься?

— Река разлилась. Я через неё плыл, чуть не утонул... Фу-у!

— Подумаешь, горюшко! Я больше тебя намучилась.

— Отчего же ты намучилась?

— А у моей норки лужа разлилась. Всё моё жильё затопила, все пути-дорожки отрезала... Я третий день на сучке плаваю!

ВОРОБЕЙ И ЛЯГУШКА

— Лягуха, лягуха, ты куда скачешь?

— Ку-а-ку-а! Купаться! А ты куда?

— И я купаться! А ты где, Лягуха, купаешься?

— Где, где... В канаве!

— Да кто же в канаве купается?!

— А где же купаться-то?

— В песке, на сухом местечке, на пригорочке!

ЗАЯЦ И ЁЖИК

— Ёжик, все звери весной линяют — и барсуки, и лисицы, и белки, и мы, зайцы... И только ты, бедный Ёжик, в старой шубе ходишь!

— Глупый ты, Заяц... Я не в старой шубе хожу, а только в старых колючках. Они мне и весной, и осенью надобны!

ОДИН ДЕНЬ

I

Она была маленькая, с тонкими прозрачными крылышками, похожая на снежинку. Но снежинки рождаются в холодном воздухе, а Метличка появилась на свет в тёплое летнее утро.

На рассвете она поднялась из-под воды и закружилась над озером вместе со своими подружками. Их было так много — белых и лёгких, — что казалось, будто над озером разгулялась метель.

— Метлички заиграли! — говорили люди и останавливались, чтобы поглядеть на белый хоровод.

Но Метличка не слышала, что говорят люди. Она взмахивала крылышками и поднималась выше и выше. Она в первый раз видела синюю воду озера, облака в небе, зелёные деревья, чистое солнце и радовалась этому как могла.

Она знала только одно: к вечеру, когда солнце опустится за лес и загустеют сумерки, все метлички упадут обратно в воду. Их жизнь кончится, потому что на свете они живут всего лишь один день.

Недаром люди зовут их подёнками.

Но Метличка не жалела, что её жизнь так коротка. Ведь никто не говорил Метличке, что после темноты опять наступает рассвет, что этих рассветов много и что все они прекрасны... Метличка думала, что иначе не бывает: жизнь — это один день. Утро — молодость, полдень — середина жизни, а вечер — старость. И Метличка радовалась как могла, и ей казалось, что до старости ещё очень и очень далеко.

Может быть, она так бы ничего и не узнала.

Но погода в тот день выдалась неспокойная, по озеру чередой катились волны, листва на деревьях

кипела и становилась то густо-зелёной, то серебряной.

Налетел сильный порыв ветра, подхватил Метличку и понёс прочь от воды. Закрутился внизу песчаный берег, промелькнула опушка леса, поляна, и не успела Метличка опомниться, как её занесло ветром на вершину старого, чёрного Дуба.

Прилепилась Метличка к его ветке, сложила помятые крылышки и стала ждать, когда стихнет ветер. Но ветер не унимался. Лес шумел, сердился, трещал, и качалась и скрипела ветка, на которой прилепилась Метличка.

Миновал час, другой, время уже шло к полудню, а ветер дул по-прежнему. И Метличка начала плакать.

Дуб услышал её. Он был старый, мудрый Дуб, и он сумел среди лесного шума различить слабенький голосок Метлички.

— О чём ты плачешь, белая бабочка? — спросил он.

— Я плачу о том, что не могу вернуться на озеро, — ответила Метличка. — Скоро полдень, ветер не унимается, и я останусь тут до самого вечера.

— Что ж, ты вернёшься домой завтра, — сказал Дуб.

— Я не знаю, что такое «завтра»! . . — Метличка от удивления даже перестала плакать.

— Завтра будет такой же день, и такое же солнце, и такая же вода на озере.

— Завтра ничего не будет, — сказала Метличка. — Наступит вечер, и мы все состаримся, и умрём, и опустимся в воду, из которой вышли.

— Ах, так вы — подёнки. . . — усмехнулся Дуб.— Я и забыл, что для вас не бывает ни завтра, ни послезавтра, ни весны, ни осени. . .

— А что такое «весна» и «осень»? — спросила Метличка.

И Дуб рассказал ей, как после снежной, студёной зимы приходит на землю красавица-весна и зажигает в лесу первые звёздочки медуниц, самых милых на свете цветов. Как весну сменяет щедрое лето с ягодами, грибами, спелой рожью на полях. Как потом опускается на землю осень и одевает деревья в такие расписные наряды, каких не бывает больше никогда...

— Значит, я ничего этого не увижу? — спросила Метличка. — Ни весны, ни осени, ни зимы? Но почему так?! Почему такая коротенькая у меня жизнь?!

Старый Дуб долго не отвечал, только шумел ветками, и казалось, что он вздыхает тяжело.

— Каждый живёт столько, сколько сумеет прожить, — наконец сказал он. — И если ты очень захочешь увидеть зиму и весну, лето и осень, ты увидишь их.

— Как же это сделать?

— Надо не ждать, а идти за ними, — сказал Дуб. — Не бойся ветра. Отпусти ветку, за которую ты держишься. Ветер подхватит тебя, понесёт... И, может быть, ты попадёшь на Высокую Гору, потом в Долину и Поле... И ты всё увидишь.

— Но, может быть, я и не попаду? — спросила Метличка.

— Всё может быть. Пускаться в такой путь рискованно. Тебя на каждом шагу будут подстерегать опасности, ты можешь погибнуть...

— Я боюсь! — испугалась Метличка.

— Тогда не улетай. Ветер стихает, скоро ты вернёшься на озеро.

— Но мне же хочется, хочется посмотреть зиму и весну, лето и осень!

— Тогда решайся. Ветер стихает, и будет поздно лететь.

Ах, как страшно было Метличке отрываться от

крепкой, надёжной ветки и нестись по ветру неизвестно куда!

— А обратно ветер меня принесёт? Хотя бы к вечеру я попаду домой?

— Этого никто не знает, — сказал Дуб.

Ветер действительно затихал; всё реже становились его порывы. Можно было попробовать вернуться на озеро. У Метлички хватило бы сил долететь: помятые крылышки сумели бы пронести Метличку над поляной, над опушкой леса, над берегом родного озера... Но Метличка уже не хотела этого. Она уже знала про зиму и весну, лето и осень, она представляла их себе. И, наверное, в её воображении они были ещё заманчивей, ещё прекраснее, чем на самом деле.

И когда налетел последний, стремительный порыв ветра, Метличка отпустила ветку.

II

Её кружило и несло над громадным лесом, и этот лес казался совсем низким; он был похож на траву, которую Метличка видела на берегах своего озера. Качался, вставал набок и переворачивался этот лес, похожий на траву, качалось и переворачивалось небо, и облака вдруг оказывались глубоко внизу. Ветер жутко свистел, выл, и Метличка уже не чувствовала своих крылышек, — может, они были сломаны...

Наконец, облака, что переворачивались и оказывались то внизу, то вверху, стали приближаться. Всё кругом затянулось клубящимся туманом, таким же, как на озере в часы рассвета. А ветер заметался, засвистел пронзительней, и странное эхо начало откликаться ему.

Проглянули сквозь туман остроконечные тёмные

камни, Метличку бросило к ним, протащило по каменной стенке... И очутилась Метличка в неглубокой расселине.

Первое, что она ощутила, был холод. Нестерпимым холодом несло от тёмных камней, холодом сочился туман, и воздух, что поднимался снизу, тоже был очень холоден.

— Наверное, я попала туда, где зима... — сказала Метличка. — Но ведь я замёрзну! И ничего не успею увидеть!

Но всё-таки она увидела. Туман пополз вбок, начал сваливаться за гряду камней; пробились лучи солнца и осветили всё окрест. Выплыла из тумана гора с ледяной сияющей вершиной, открылись её склоны, далеко-далеко внизу показалось ущелье с водопадами.

А рядом с камнем, совсем близко от расселины, где пряталась теперь Метличка, белел снег.

Он сплошь укрывал каменистую землю и так блестел, так посверкивал на солнце, что больно было смотреть. Его ещё много было на склонах горы, и никогда Метличка не представляла себе, что могут быть на свете вот такие сверкающие снежные просторы...

— Скажите: здесь сейчас зима? — спросила Метличка крохотную чахлую Травку, прижавшуюся к камню.

— Зима, — ответила Травка. — К нам, высоко в горы, весна поднимается поздно...

— Как я вам завидую, — вздохнула Метличка. — Вы можете любоваться зимой сколько захотите!

— А я завидую вам, — прошептала Травка. — Вы можете улететь вниз. Туда, где давно началась весна!

— Это далеко?

— Нет, не очень. Но ведь я не могу летать, не

могу ходить, и когда весна будет в двух шагах, я не сумею до неё дотянуться... Я могу только ждать. А вы летите, летите навстречу весне!

Метличка послушалась, расправила свои помятые, изломанные крылышки и полетела вниз. От камней, гревшихся на солнце, поднимались потоки воздуха, они подхватывали Метличку, поддерживали, помогали её крылышкам, несли дальше и дальше.

Метличка увидела, что в снегу появляются проталины, затем она увидела ручьи, прыгавшие с камня на камень, а затем земля вдруг сделалась разноцветной. На этой чёрной, мокрой земле загорелись огоньки красные, огоньки жёлтые, огоньки голубые... И Метличка догадалась, что это весенние цветы.

Она опустилась на лужайку, всю золотую от звёздочек Гусиного Лука. Плясали над цветами бабочки, заливались птицы в кустах, ручьи перебулькивались. И так всё радовалось кругом, так веселилось, что и спрашивать не стоило — конечно же, тут хозяйничала красавица весна...

— Как я вам завидую! — опять сказала Метличка, глядя на яркие звёзды Гусиного Лука. — У вас замечательно, у вас необыкновенно красиво! И вы можете любоваться весной сколько захотите!

— Нам некогда любоваться! — сказал Гусиный Лук. — Мы все торопимся. Здесь такое короткое лето. Надо успеть отцвести, вырастить семена, да ещё в луковице запасы накопить. На зиму. Еле-еле успеваем... Позавидовать можно тем, кто живёт в долине. У них такое чудное, такое длинное лето!

И Гусиный Лук добавил, что если бы Метличка увидела это длинное, это неторопливое лето, она бы поняла, где надо жить. Но увы, он, Гусиный Лук, не может перебраться в долину. Он может только пожелать Метличке счастливого пути...

И Метличка полетела дальше. Она видела, что

всё зеленее и гуще делается на склонах трава; она замечала, что перестают петь птицы — теперь они сидели в гнёздах, выводили птенцов. И всё теплей, всё жарче становилось; Метличку разморило от горячего воздуха, она чуть шевелила крылышками.

Опустилась она в лугах, в перепутанную душистую траву. Дрожало над лугами знойное марево, звон стоял в траве. Может быть, это звенели пчёлы, может быть — синие колокольчики Горечавки, а может быть — сам воздух звенел. . .

— Как я вам всем завидую. . . — разморённо проговорила Метличка. — Действительно, вашему лету конца не видать. И какое же счастье — любоваться бесконечным летом!

— А мы давно мечтаем об осени! — сказала Горечавка, качнув синими колокольчиками.

— Разве осень лучше?

— Не в этом дело. Всё лето мы заботимся о семенах — чтобы их побольше завязалось, чтобы они все уцелели, чтобы не вышло пустышек. И мы не перестанем беспокоиться до тех пор, пока наши дети не расселятся по всему лугу, не найдут подходящие местечки для житья. А это будет лишь осенью. . . Я ужасно завидую тем, кто живёт на сухом холме. Видите, там уже деревья желтеют? Осень туда приходит раным-ранёшенько! Вы просто не представляете, что за покой, что за счастье наступает осенью!

Не хотелось Метличке улетать с летних лугов. Да и сил у неё оставалось мало. Но тут вновь подул ветер. Теперь он потянул в обратную сторону — от горы к долинам и лесам, — и Метличка не стала прятаться в траве. Мягко подхватил её широкий, тёплый ветер, пахнувший травами, — и вот уже позади остались луга, и река скользнула внизу, и бурые, выгоревшие холмы очутились рядом.

Да, они тоже были прекрасны. Они пестрели сво-

ими красками — особенными: каждый листок желтеющего дерева не был похож на соседний. И краски были спокойные, мягкие, усталые. И тишина была на этих осенних холмах.

— Да, — утомлённо и почти без зависти прошептала Метличка. — Здесь даже мечтать не захочется... Какая у вас благодать!

— Благодать у нас будет зимой! — сказал лысенький, сморщенный Одуванчик.

— Зимой?!

— Разумеется! Наступит зима, укроет снегами землю. И наши разлетевшиеся семена укроет... И мы будем уверены, что они уцелеют до будущей весны...

«Как странно! — подумала Метличка. — Я видела зиму, весну, лето и осень. Они красивы, они восхитительны! Я бы осталась жить, если бы смогла, в любом времени года... Но все, с кем я говорила, этого не хотят. Зимой ждут не дождутся весны. Весной мечтают о лете. Летом торопят осень. А осенью опять ждут не дождутся снега... Очень странно. Неужели так ведут себя и травы, и деревья, и птицы, и звери?»

И Метличка вспомнила всех, с кем говорила, и вдруг поняла, отчего зимою можно торопить весну, а осенью — зиму. Ей сделалось тоскливо, горько и страшно. Так страшно, как не было за весь длинный день, за всю её короткую жизнь.

Она поднялась над холмом и полетела, полетела из последних сил — туда, к лесу, к поляне, к далёкому озеру, где кружились её сестры-метлички.

И если бы сейчас ветер дул навстречу, она полетела бы против ветра — всё равно полетела бы на своих изломанных, истрёпанных, измятых крылышках. А если бы крылышки перестали двигаться, она поползла бы по земле.

Она уже не думала о том, какая у неё коротень-

кая жизнь. Теперь она хотела даже, чтобы день кончался скорее, чтобы скорее наступал вечер и солнце скорее зашло.

Потому что вечером она должна опуститься под воду и отложить яички, из которых на будущий год выйдут на свет молоденькие нежнокрылые подёнки. Её дети. Надо было скорей это сделать. И рядом с этим её собственная жизнь уже не значила ничего.

Опять, как поутру, качался и переворачивался лес, переворачивалось небо, облака оказывались то наверху, то внизу. А Метличка упорно махала крылышками и умоляла ветер, чтобы он дул сильнее, и торопилась, торопилась... Хотя уже ясно было, что до родного своего озера ей не долететь.

III

Она запуталась в ветвях того самого Дуба, на который попала утром. Отчаянно барахталась она в плещущих листьях, и плакала, и просила ветер, чтобы он помог ей. И опять старый Дуб различил в лесном шуме её слабенький голос.

— Значит, ты вернулась всё-таки, белая бабочка? — спросил он.

— Вернулась! Но я не успею на своё озеро!

— Ты видела зиму, весну, осень и лето?

— Видела! Но я не успею на своё озеро!

— Тебе понравились зима, весна, лето и осень?

— Понравились! Но я не успею на своё озеро!

— Значит, ты не жалеешь, что полетела так далеко?

— Жалею! — закричала Метличка. — Жалею! Потому что теперь я не попаду на своё озеро!

— А зачем тебе надо попасть на своё озеро? — спросил старый Дуб неторопливо.

— Как вы не понимаете?! Я же беспокоюсь о детях!.. Я теперь знаю, для чего нужна и ваша длинная жизнь, и моя коротенькая! Все деревья, и все птицы, и все звери, и все цветы, и все травы, и всё живое на свете не о себе думает, а о детях! Разве не так?

— Правильно, — согласился Дуб.

— А я не успею на своё озеро! И мои дети не вылетят на будущий год из-под воды! Ах, зачем, зачем я послушалась вас и согласилась лететь!..

— Смешная бабочка...—подумав, медленно прошумел Дуб. — Ты успела повидать кой-чего. Но я-то знаю больше... Зачем тебе возвращаться на прежнее место?

— А как же иначе?!

— Я, старый Дуб, радуюсь, когда сойки разносят мои жёлуди по всему лесу. И другие деревья радуются, рассылая по ветру семена...

— Но я должна!..

— Дослушай меня. Молодые птенцы не возвращаются в прежнее гнездо. И молодые звери покидают прежнюю нору... И вы, подёнки, тоже разлетаетесь по свету. Иначе вы жили бы только в одном-единственном озере. А этого, к счастью, нет. Всё живое заботится о детях, а дети уходят из дому. И расселяются по всей земле.

— Но что же мне делать? Мне?

— Посмотри: рядом есть другое озеро. Совсем рядом. Почему твоим детям не вырасти здесь, на привольных и новых местах? Смелее, смелее опускайся вниз, белая бабочка! У тебя ещё хватит времени!

Метличка посмотрела, куда показывал Дуб, и впрямь — невдалеке, за березняком, увидела новое озеро. Светлое, чисто-голубое озеро с песчаными берегами, с зарослями камышей, с кустами ивняка, наклонившимися над водой.

Просто удивительно, что Метличка не заметила его утром!

Может быть, ей показалось, что новое озеро красивее прежнего. А может, так оно и было.

IV

Она боялась только, что окажется одна на этом озере и на будущий год для её детей не найдётся товарищей и подружек. Но когда ветер немножко утих, над водой стали появляться метлички. Одна за другой вылетали они из-за кустов, из-за деревьев, и сразу сбивались в стайку, и кружились, кружились над прозрачными волнами, как необыкновенная тёплая метель.

Метличка неожиданно почувствовала, что у неё прибавилось сил. Она тоже могла летать над водой и могла кружиться в общем хороводе! И она полетела к подругам. У многих метличек тоже были измяты и поломаны крылышки. Наверно, новые подруги тоже успели попутешествовать... Непременно надо их расспросить — вдруг они видели то, чего не увидела сегодня Метличка?

...Медленно-медленно скатывалось к лесу краснеющее солнце. Длинный-длинный догорал день. А над водой всё кружился невесомый хоровод, всё завивалась тёплая метель.

— Метлички играют! — говорили люди и останавливались, чтобы посмотреть на такое чудо.

СКОЛЬКО ЛЕТ, СКОЛЬКО ЗИМ?

— Кукушка, Кукушка, скажи — сколько лет, сколько зим я на свете проживу?

— Ну вот, опять спрашивают. Ох, надоели! Нет,

чтобы на заре подняться, в лес пораньше прийти... Утром я без остановки кукую, тыщу раз подряд. Всем бы по целому веку хватило!

КОМАРЫ-ТОЛКУНЧИКИ

— Толкунчики, вы чего толчётесь?
— А мы пляшем!
— А отчего пляшете?
— От радости!
— А какая радость у вас?
— Завтра погода хорошая будет!!

ОДНА ЗА ВСЕХ

— Ох, сколько птиц поселилось в кустах у речки! Вы только послушайте:

это соловей рокочет,
это малиновка заливается,
это скворец свистит,
это жаворонок звенит...

Батюшки, а откуда же там свисток пароходный?!

— Да это же я, Варакушка! Я одна в кустах поселилась! И соловья передразниваю, и малиновку, и скворца, и жаворонка, и свисток пароходный в придачу!

ЧЁРНЫЙ КЛЮВ И БЕЛЫЙ КЛЮВ

— Грач, ты небось на пожар летал?
— Почему это — на пожар?!
— Да у тебя нос закопчённый!

— Почему это — закопчённый?!

— У грачей носы белые, а у тебя чёрный! Будто его нарочно коптили!

— И всё ты врёшь! Нос у меня нормальный! И очень красивый! Просто я ещё молодой грач, мало на поле бывал, мало в земле ковырялся... Вот и не успел нос до блеска начистить!

УПРЯМАЯ ДУДОЧКА

— Слышите, дети, как лесная волшебная дудочка в роще поёт? Будто шаловливый ветерок играет на этой дудочке! То птичкой засвищет, то ручейком зазвенит, то протяжно-протяжно заплачет... Ах, прелесть какая! Дудочка, спой нам ещё, пожалуйста!

— Фью.

— Дети, давайте попросим волшебную дудочку. Раз, два, три: «Дудочка, спой нам ещё!!»

— Фьиг.

— Не хочет петь дудочка. Значит, мы плохо её просили.

— Тьфу!

— Рассердилась на нас дудочка.

— Ещё бы не рассердиться! Меня, птицу Иволгу, дудкой обзывает! Сама руками размахивает, дети хором кричат! И чтобы я средь такой кутерьмы пела?! Нет уж, фьиг.

ЛЕБЕДЬ, РАК И ЩУКА

Лопоухий Щенок на речку прибежал.

Видит: славная тёплая вода плещется и плавают в этой воде разные звери, птицы да насекомые.

Утки лодочками качаются. Важно гуси плывут. Водяная Крыса бойкие круги делает, хвостом подруливает.

Водомерки скользят по воде, жуки-плавунцы ныряют, серебряные гладыши вертятся.

Завидно стало Щенку. Эх, думает, мне бы поплавать!

А как плавают — неизвестно. Ещё ни разу Щенок не плавал. И сунуться в воду страшно.

Проплывает вдоль берега Лебедь, крылья сложил горбиком, шею держит гоголем. Вроде бы ничем не шелохнёт, а так и катится по воде!

— Слышь, Лебедь! — говорит Щенок. — Научи меня плавать!

Повернул Лебедь гордую голову, одним глазом посмотрел на Щенка.

— Ну что ж, — говорит. — Учись. Я покажу.

— Показывай, показывай!!

— Надо пряменько сесть на воду. Грудь вперёд. А теперь лапами по очереди загребать, как вёслами. У тебя лапы-то с перепонками?

Поднял Щенок переднюю лапу. Разглядел. Лапа как лапа, с когтями и шерстью. Никаких перепонок нет.

— У тебя сзади ещё лапы, — усмехается Лебедь. — Может, там перепонки?

Задрал Щенок заднюю лапу. И здесь никаких перепонок нет, одни когти.

— А нельзя без перепонок-то?

— Да как же без перепонок!—говорит Лебедь.— Загребать неудобно. Далеко не уплывёшь. Не возьмусь я тебя учить, нескладного. . .

Обидно Щенку сделалось. Неужели он один такой завалящий, бесперепончатый? Быть того не может.

Под берегом чёрный Рак копошится, вылезает из норы. Щенок его заметил и спрашивает:

— Слышь, Рак, плавать умеешь?

— Да не хуже других!

— Научи меня, пожалуйста! Научи!!

— Хорошо, — говорит Рак. — Смотри внимательно. Допустим, ты вылезаешь из норки. Теперь поворачивайся. Начинай хвостом загребать быстро-быстро! И поплывёшь как миленький задом наперёд. Хвост-то у тебя суставчатый? Вот такой?

Щенок повернулся, изловил себя за хвостик. Скосил глаза. Хвост у него как хвост: этакий тоненький прутик в шерстинках. Совершенно не похож на Рачий хвост.

— А если хвост не суставчатый? Не широкий?

— Тогда нельзя, — отвечает Рак. — Сам подумай: как же воду загребать? Неспособно. Далеко не уплывёшь.

— Ну всё-таки, всё-таки попробуем!!

— Нет, не возьмусь я тебя учить, — сказал Рак и уплыл хвостом вперёд.

Совсем огорчился Щенок. Лапы для плавания не годятся, хвостик не годится. А в воду полезть ужас как хочется!

Вдруг из воды Щука вылетела как выстреленная, плюх! — опять нырнула. Только брызги вокруг да кольца по воде... Вот это пловец!

— Эй, Щука, — кричит Щенок, — слушай, научи меня плавать! Я тебя очень прошу, пожалуйста!

Замерла Щука, немигающими зелёными глазами смотрит на Щенка.

— Изволь, — говорит. — Это очень просто. Ты лежишь в воде, как бревно. Не двигаешься. Потом ка-а-а-к хвостом вильнёшь, как плавниками ударишь — сразу всех и перегнал!

— Чем, чем ударишь?

— Я тебе объясняю: плав-ни-ка-ми.

— Какими плавниками?! Нет у меня плавников!

— Нету?
— Нету!!
— Совсем?
— Совсем!!
— Тогда не за своё дело не берись! — сердито сказала Щука, вильнула хвостом и пропала в глубине.

Тявкнул Щенок, от горькой обиды подскочил на всех четырёх лапах. Не удержался на крутом берегу — кувырк! — и бултыхнулся в воду.

— Ай-яй!!

Вынырнул, не помня себя от страха, головой трясёт, чихает.

Но почему-то не тонет.

Лапы сами собой по воде колотят, пену взбивают! И берег всё ближе придвигается, ближе! . .

Значит, плывёт Щенок!

Сам научился плавать!

Да как научился-то здóрово! Лучше всех плывёт! По-собачьи!

РОЖКИ ДА НОЖКИ

— Ай, кто это такой рогатый?!
— Это я. Папоротник.
— Ты бодаешься?
— Не. Я смирный.
— Ты всех напугать хочешь?
— Не. Я добрый.
— А зачем тебе крутые рога?
— Это у меня листья так разворачиваются. . .
— Листья? Хи-хи. . . А где же стебель?
— Нету.
— А веточки?
— Тоже нету.

— А что же у тебя есть?

— Вот листья. И корешки в земле.

— Ай-яй-яй! У тебя только рожки да ножки! Рожки да ножки! Ай-яй-яй!

— Погоди дразниться. Вот я корешками укреплюсь, листья кружевные расправлю, — знаешь, какой сделаюсь?

— Какой?

— Глаз от меня не оторвёшь!

ПОДОРОЖНИК

— Ну и место выбрал ты себе, Подорожник! На самой дороге растёшь... Наступят на тебя ногой — раздавят!

— Попробуй-ка раздави! Нынче по мне трактор проехал, а я живой да здоровенький!

ХРАБРЫЙ ПТЕНЕЦ

— Воробьишко ты глупый, ты зачем на заборе уселся, у всех на виду?

— Ч-чего?

— Вон ворона летает, тебя схватить может!

— Ч-чего?

— А вон белка скачет, попадёшься к ней в зубы!

— Ч-чего?

— А вон кошка бежит по дорожке, глазищами зыркает!

— Ч-чего?

— «Чего», «чего»! Расчирикался! Улетай, пока не заметили!

— Чик!.. А я летать ещё не могу! Я только ещё... из гнезда вывалился... Чик! Ничего не знаю, ничего не умею! И никого ещё не боюсь!

ТЯЖЁЛАЯ РАБОТА

— Дятел, перестань ты стучать-долбить! Что же это, право, совершенно покоя нету! Голова от твоего стука болит!

— А у меня, думаешь, не болит? Того и гляди — сотрясение мозга будет.

— Дак зачем тогда стучать-колотить?

— А у меня, голубушка, работа такая. Опасная, вредная и тяжёлая. И другой работы, чтоб полегче была, у дятлов нетути!

КОРОСТЕЛЬ И ГРАЧ

— Коростель, ты чего запоздал, из тёплых краёв так поздно прилетел?

— А я ждал, пока мой дом подрастёт.

— Как это — дом подрастёт?!

— Ты на дереве, Грач, живёшь, тебе и не понять. А я на чистом лугу живу, в траве прячусь. Вот и ждал, пока трава подрастёт!

ВЫПЬ И УТКА

— Ой, кто так страшно на болоте ревёт? Медведь, наверно!

— Не.

— Значит, это Лось ревёт!

— Не.

— А кто же тогда?

— Это я, Выпь.

— Ты?! Вот уж не поверю! Чтоб такая серенькая птица, невидная, и так ревела?! Быть не может! Из всех птиц на болоте я, Утка, громче всех крякаю!

— А сейчас поглядим. У-у-у-у-у-у-ух!!

— Кря!..

— Ага, со страху в камыши забилась! Будешь знать, чей голос толще!

ЧТО БЕЛКИ ДЕЛАЮТ?

Старая Сова на пеньке сидит, головой вертит, глазищами круглыми хлопает.

— Не пойму, — говорит, — чегой-то на сосне мельтешит... Вроде знакомое чего-то... Эй, Сорока! Погляди, чего на сосне мельтешит? Я днём-то плохо вижу, не разберу никак.

— Да это белки, бабуся!

— Ишь ты! И сколько их, белок?

— Трое, бабуся. Моло-оденькие!

— Чего же они делают?

— Сейчас вот друг за дружкой бегут. Одна впереди, а две сзади.

— Небось шишку отнять хотят, еловую...

— Нет, шишки не видать. А теперь обратно повернули. Задняя белка догоняет, а передние бегут.

— Да куды бегут-то?! Может, спасаются от кого?

— Непохоже, бабуся. Вот остановились. А теперь на ветке качаются.

— Это как же — качаются?

Старая Сова на пеньке сидит, головой вертит, глазищами круглыми хлопает.

— Туды-сюды, вверх-вниз, взад-назад, винтом-финтом... Не видала я таких белок...

— Да вверх-вниз.

— Небось мутовочку зелёную достать стараются. Свеженького погрызть хотят!

— Нет, бабуся. Они теперь вниз спрыгнули.

— Грыб какой-нибудь ищут... Мухомор какой-нибудь.

— Нет, бабуся. Не ищут! Они теперь вверх по стволу скачут, да всё винтом, винтом!

— Тьфу, нечистая сила... Туды-сюды, вверх-вниз, взад-назад, винтом-финтом, и всё без толку... Не видала я таких белок. Небось ненормальные. Поди спроси сейчас же, чего они делают!! Ну? Спросила?

— Спросила.

— Чего они делают?

— Да они играют, бабуся! Играют!

ЧТО ЭТО НОЧЬЮ СВЕТИТСЯ?

Два маленьких лесных мышонка заблудились однажды. Играли, бегали, друг за дружкой гонялись, потом глянь — место вокруг незнакомое. Чужой страшный лес!

А уже вечер наступил.

Красное солнышко за тёмные деревья закатилось.

Вот-вот глухая ночь настанет в лесу...

Скачут мышата с кочки на кочку, от страха попискивают, ищут дорогу домой. Хорошо бы Мышь-маму позвать, да боязно!

Уже и земли под лапками почти не видать. Чёрная трава над головою качается, шелестит. Чёрные кусты черники листьями шуршат. Чёрные пни вырастают на пути, как огромные башни. А совсем высоко, в поднебесной вышине, чёрные деревья на зелё-

ном небе качаются, от ветра шумят... Страхи-то какие, мамоньки!

И вдруг что-то засветилось впереди. Голубым холодным светом, которого никогда мышата не видели...

Что это светится?

Пошли мышата тихонько-тихонько, глазёнки таращат, мокрыми носишками воздух нюхают.

Ближе голубой свет.

Совсем близко.

Видят: это старый пень, гнилой да склизлый, сам собою в темноте светится.

— Ты видал, чтобы пни светились? — спрашивает один Мышонок.

Второй от удивления на задние лапки сел.

— Нет, — говорит, — не видал... Вон, оказывается, чего в лесу-то бывает!

Обнюхали мышата удивительный пень, обсмотрели, даже на зуб попробовали.

Потом дальше побежали.

А в лесу ещё темней сделалось. Уже высоких деревьев не видать и зелёного неба не видать, а кусты над головой еле-еле угадываются.

На полянку выскочили мышата. Да так и присели на растопыренные лапы.

По всей полянке голубые огоньки мерцают. Видимо-невидимо! И двигаются эти огоньки, с места на место перескакивают, кружатся...

— Мамоньки!— первый Мышонок говорит.-- Это что же: гнилые пни плясать да кружиться начали?!

— Это небось маленькие такие гнилушки...— второй Мышонок говорит. А сам от страха заикается.

Чуть не на пузиках поползли мышата, тихо-тихо ползут, не дышат.

Ближе вертлявые огоньки.

Совсем близко.

Видят мышата: на кустах и в траве чёрненькие жуки ползают и брюшко у каждого жука голубым пятнышком светится. Вот оно что!..

— Чего их бояться! — первый Мышонок говорит.

И одного светляка съел.

— Конечно, — второй Мышонок поддакивает. — Букашки, больше ничего!

И двух светляков съел.

Поглядели ещё мышата на удивительную полянку, повернулись, дальше побежали.

А в лесу-то совершенная тьма настала. Ни деревьев больше не видать, ни кустов, ни черники с брусникой. Только нюхом и можно дорогу отыскать.

Вдруг высоко над головами мышат новые огни засветились. Жёлтые. Два круглых одинаковых жёлтых огня.

Мерцают, медленно поворачиваются.

На мышат уставились.

— Небось тоже букашки! — первый Мышонок говорит.

— Ага, — поддакивает второй. — Я бы их съел, кабы не так высоко забрались!

А жёлтые огни с места снялись и бесшумно поплыли вниз, прямо на мышат.

Хорошо, что Мышь-мама, которая детей своих разыскивала, успела вовремя подбежать. Одного Мышонка в кротовую норку толкнула, второго под еловый корень подпихнула. Сама — прыг! — и за пнём спряталась.

Жёлтые огни низко проплыли, ветерком опахнули. Исчезли.

— Мам, это что было такое? — первый Мышонок спрашивает.

— Это чего светилось? — переспрашивает второй.

А Мышь-мама из-за пня вылезла, отдышалась и отвечает:

— Сейчас я вам такую трёпку задам! Такую таску! Будете у меня по ночам разгуливать!

— Да что же это светилось-то?

— Это глазища совиные! Это про вас, бестолковых да глупых, летает мышиная смерть!

КОМУ ЖАРКО, КОМУ ХОЛОДНО

Барсук говорит:

— Ну, что за лето нынче?! Холодно, дожди льют. Впору зимнюю шубу надевать... У меня барсучата малые даже в норе зябнут!

Бобёр говорит:

— И-эх, какое лето нынче славное! Ни тебе жарищи окаянной, ни тебе засухи. Воды в речке много, плавать раздольно. Малые бобрята резвятся в своё удовольствие!

Уж говорит:

— Собралась погода нас, ужей, погубить! От холода кровушка стынет, шевелиться не хочется. Еле ползаю... Лягу́шку догнать — и то не могу!

Олень говорит:

— Хороши стоят погоды! Комар не кусается, слепней да мух, почитай, совсем не видать. Прекрасное лето, прекрасное, только жарковато малость... По лесам бежать — упаришься!

КТО КОПЫТО ПОТЕРЯЛ?

Шнырял Зайчонок по лесу, видит — на поляне пень стоит гнилой, а на пне — чьё-то большое копыто.

Серое гладкое копыто с коричневым ободком. Новенькое!

Ахнул Зайчонок:

— Это кто же копыто потерял?! Вот ротозей-то, а? Небось теперь на трёх ногах ковыляет, плачется, да найти не может. Выручить, что ли, беднягу?

Сидит Зайчонок, раздумывает: «Чьё такое большое копыто? Какого зверя?»

Из ельника выбегает на поляну Кабан. Длинное рыло к земле опустил, пятачком вертит, нюхает. Будто ищет чего-то.

— Дяденька Кабан! — Зайчонок кричит. — Это не ты здесь копыто потерял?

Хрюкнул Кабан:

— Почему думаешь, что я потерял? Ась?

— Да ты, дяденька, подслеповатенький! Небось и потерял!

— Хрюк! — Кабан говорит. — Насмешил. Я, может, лучший бегун в лесу! У меня копыта — хрю! — специальные. Сквозь такой бурелом проскочу, где все другие застрянут. По болотам сигаю. По кустам-камышам. Во́ у меня копыта какие, гляди!

Поглядел Зайчонок — верно, особенные копыта у Кабана. Вострые. Долгие. И раздвоенные. Совсем не похожи на обронённое. . .

«Нет, — думает Зайчонок,— это кто-то другой потерял. Что ещё за звери есть с копытами?»

Выпрыгнула на полянку лесная Коза. Приседает на ножках, оглядывается. Ушки торчком.

— Тётенька, — Зайчонок кричит, — не ты здесь копыто потеряла?

— А почему думаешь, что я?

— Да ты, тётенька, пугливая! Небось с перепугу и потеряла!

Смеётся Коза.

— Ах ты,— говорит,— несмышлёный! Разве у меня такие копытца? У меня они точёные, лёгонькие! Я ведь — глянь-ка! — прямо по воздуху летаю!

Поглядел Зайчонок — верно, копытца у Козы как игрушечки. Совсем не похожи на обронённое. Значит, кто-то другой потерял.

Что за зверь в лесу с большими копытами, неуклюжими?

Шагает через полянку Лось. Горбоносую голову нагнул, будто высматривает чего-то. Бородой чуть не по земле метёт.

— Дедушка Лось! — кричит Зайчонок. — Это не ты здесь копыто потерял?

— Почему, пострел, на меня думаешь?

— Да ты, дедушка, старенький, забывчивый. Небось и потерял!

Качнул бородой Лось, усмехнулся.

— Я, — говорит, — зимой рога теряю. Это верно. Это со мной бывает...

— Вот, вот! Я и говорю! Потеряешь, дедушка, а найти не можешь!

— А я и не ищу. Весной у меня рога новые появляются. Будут ещё больше да грозней... А копыты, Лоси, не теряем. Нет у нас такого обычая. Гляди-ка: я на своих копытах по трясине шагаю. Как на лыжах! Нужда придёт — обороняться копытом могу. Хоть от Волка, хоть от Медведя. Мои копыта дорогого стоят!

Поглядел Зайчонок — верно, грозные у Лося копыта. И удобные, по ноге присадистые.

— Ну кто же, — тогда Зайчонок говорит, — кто же вот это копыто потерял? Эту лепёху нескладную?!

— А никто не терял, — отвечает Лось.

— Да взялось-то оно откуда?!

Подскочил Зайчонок поближе, толкнул копыто — а оно не шевелится.

Подёргал, подёргал — не отрывается!

Приросло оно, что ли?!

И тут учуял Зайчонок, что от копыта лесным грибом пахнет.

— Да это же гриб, дедушка!!

— Конечно, гриб, — отвечает Лось. — Гриб-трутовик. Ни съесть его, ни к делу пристроить... Уж такое копыто никчемушное. Одному гнилому пню впору!

КТО НА КОГО ПОХОЖ?

Маленький Енотик прибежал домой, а мама так и ахнула:

— Батюшки, на кого ты похож?! Ты это где извозился? Почему вся шёрстка в мусоре?

— А я муравейник ворошил.

— Почему лапы в болотной тине?

— А я за лягушкой гонялся.

— Нос почему в земле?!

— Я жука выкапывал...

— Нет, вы только посмотрите на него! — мама говорит. — Разве так порядочные звери выглядят? Это не зверь, это какой-то медвежонок немытый!

— А как порядочные звери выглядят?

— У порядочных зверей шёрстка блестит, носы вылизаны, коготки вычищены! А ты погляди-ка на себя!

— Я хотел поглядеть, — Енотик отвечает, — только не дали.

— Кто не дал?

— А Медведица. Я на речку пришёл, к воде спустился — вдруг Медведица с медвежатами! Страашная такая! Злю-ю-ущая!

— Да ты знаешь, зачем она на речку пришла?

— Не знаю. Я скорей убежал.

— Я на речку пришёл, к воде спустился — вдруг Медведица с медвежатами! Стра-ашная такая! Злю-ю-щая!

— Она медвежат купать привела! И ей стыдно, когда дети чумазые!

— Вот оно что. . . — говорит Енотик.— Теперь понимаю. А то я догадаться не мог, почему она лапой машет и рычит: «Ах ты, чумичка, ах ты, Енот неумытый!»

ОХ, ТЯЖЕЛО!

— Ох, тяжело! . .

— Почему тебе, Яблоня, тяжело?

— На мне ветки от яблок гнутся, к земле клонятся. . . Еле держу!

— Ох, тяжело! . .

— Почему тебе, Рожь, тяжело?

— Колос налился, на стебле качается, вот-вот ляжет. . . Еле держу!

— Ох, тяжело!

— А тебе, Тыква, отчего тяжело?

— На земле лежать да себя держать, вот отчего!

ЧЕМ ПЛАВУНЕЦ ДЫШИТ?

— Ай, Жук-Плавунец помер! Глядите, глядите — вниз головой на воде плавает! Один хвостик малюсенький наружу!

— Ничего я не помер.

— А зачем же ты вниз головой подвесился?

— Я подышать вылез.

— Подыша-а-ать?! Чем же ты дышишь-то?

— А что наружу выставил, тем и дышу. Вот так!

ЗВОН В ГОЛОВЕ

— Никак не разберу: что это день-деньской звенит? Не то кузнечики в траве, не то сама сухая трава... И звенит, и звенит... Просто голова заболела... Послушайте, нельзя ли узнать — что это такое звенит?

— Оборотись на себя.

— Зачем на себя оборотиться?

— Да это у тебя, у Мака, в сухой голове звон стоит!

КТО СТРЕЛЯЛ?

— Стой! Кто стрелял?! Кто в меня попал?!

— Я.

— Кто ты?

— Акация.

— Зачем?

— Нечаянно.

— Ишь ты, как метко... Будто из ружья. Из чего стреляешь-то?

— Из стручочка.

— А метишь куда?

— В белый свет, как в копеечку!

БРУСНИКА

— Ну, почему это Солнышко с одной стороны ходит? Скажите ему: пусть с обеих сторон меня греет!

— Зачем, Брусника?

— Да как же! Одна щека у меня красная, другая белая! Срам какой!

— А разве Солнышко виновато?

— Конечно! Кому из нас легче повернуться-то?!

КУЗНЕЧИКИ

— Тик-чок! Тик-чок! Тик-чок! . .

— Кузнечики, что вы куете?

— Тик-чок! Серпы куём! Тик-чок! Косы отбиваем Тик-чок! Трава поспела, косить пора!

— . . . . . .

— Кузнечики, почему замолчали? Отчего не куёте больше?

— Трава скошена, на лугах пусто! До будущего лета закрывается кузница!

ОДУВАНЧИК

— Одуванчик, ты не видишь разве — осень пришла!

— Ну и что?

— Зачем же ты расцветать собрался? Твои цветы золотые заморозком прихватит! Твои семена летучие дождями прибьёт!

— Не беда, управлюсь!

— Как же ты управишься?

— А я расцвету быстренько! И отцвету быстренько! И семена по ветру развею быстренько! Я такой, что не мешкаю!

МОЛЧКОМ-ТО ЛУЧШЕ!

Идёт Хомяк с поля. Идёт, отдувается, белые щёки надул. Видать, тяжело такому толстому шагать. Постоит, попыхтит, опять двинется вперевалочку.

Водяная Крыса Хомяку повстречалась. Тащит Водяная Крыса какой-то корешок в зубах.

— Здравствуй, Хомяк!

Молчит Хомяк. Идёт мимо вперевалочку.

— Вот лентяй! — Водяная Крыса говорит. — Даже поздороваться лень! Ишь какое пузо себе отрастил, прямо по земле волочится! А уж щёки-то, щёки наел! Того и гляди — лопнут.

Молчит Хомяк. Будто не об нём разговор.

— Погоди, увалень! — говорит Водяная Крыса.— Зимой-то небось отощаешь! Зима ленивых не любит! Запасливые звери, они — что? Они запасы делают... Вот я корешок тащу, в норке сложу, на чёрный день приберегу! Изо всех сил стараюсь, не тебе чета, увальню!

Молчит Хомяк. Дальше идёт, пыхтит, щёки надувает.

Сойка летит навстречу Хомяку. Несёт в клюве жёлудь.

— Здравствуй, Хомяк!

Молчит Хомяк. Головы не поднял.

— Ну, лентяй! — Сойка говорит. — Это надо же: языком повернуть лень! Спину-то, спину себе какую нагулял, вот это спинища! А щёки сейчас лопнут!

Молчит Хомяк. Будто не слышит.

— Погоди, лежебока! — говорит Сойка. — Зимой меня помянешь! Работящие-то звери да птицы запасы делают! Зима ленивых не любит! Вот я жёлудь нашла, теперь в укромном местечке спрячу, до злых морозов поберегу... Ан зимой выйдет подарочек! Учился бы, лежебока, глядя на таких, как я!

Молчит Хомяк. Идёт себе дальше, пыхтит-отдувается.

Белка попалась навстречу Хомяку. В развилину сучков пристраивает Белка гриб-сыроежку.

— Здравствуй, Хомяк!

Молчит Хомяк. Вперевалочку мимо идёт.

— Здравствуй, я говорю! . . Это что ж, тебе и ответить лень?! Ах ты, байбак! Надо же, какая лень ленивая! Весь жиром заплыл! Щёки-то ещё не лопнули?

Молчит Хомяк. Ухом даже не повёл.

— Погляжу я на тебя зимой! — Белка говорит. — Сойдёт твоя спесь. . . Думаешь, для чего мы тебя браним-ругаем? Для твоей же пользы! Не прохлаждаться надо, а запасы готовить! Зима ленивых не любит! Вон я: гриб сушу, потом в дупло спрячу. Зато зимой вкусненьким побалуюсь! А от тебя, байбака такого, кожа да кости останутся!

Молчит Хомяк. Не обращает внимания.

До своей норы дошёл.

Внутрь забрался.

В самом конце норы — сухая да чистая кладовочка.

Открыл рот Хомяк, из защёчных мешков высыпал горку зерна. Отборного зерна, спелого!

Освободился рот у Хомяка и говорит Хомяк тихонечко:

— Ладно. Пусть кричат. Пусть меня учат. А я, ни слова ни говоря, пуд зерна в кладовую натаскал. . .

И никто этого не видел.

И никто этого не знает.

И никто не позарится.

Молчком-то лучше!

ВЕСЕЛО ИЛИ ГРУСТНО?

Летом на луг возле речки каждый день приходила Старая Лошадь.

На лугу было шумно и весело. Заливались в небе жаворонки, длинноногие кулички пересвистывались и бегали друг за дружкой. А у берега, в тёплой воде, сидели пучеглазые лягушки и даже раздувались от восторга:

— Ка-ак хорошо! Ка-ак прекра-асно! . .

Все на лугу радовались, кроме Старой Лошади. Она бродила, понурив голову, и неохотно щипала траву тупыми, стёршимися зубами.

— Ты чем недовольна? — спрашивали её лягушки.

— А чему тут радоваться? — отвечала Старая Лошадь.

— Да посмотри, как славно кругом!!

— И ничего славного, — сказала Старая Лошадь. — Просто вы молодые и глупые. Вы ещё не знаете, что скоро пересохнет ваша речка. И жара наступит. Подождите, ещё хлебнёте горюшка!

И вправду наступили жаркие дни. Обмелела речка, вся вода скатилась в глубокие омуты и бочаги. И лягушки, и маленькие хвостатые лягушата убрались вместе с водой.

Только на лугу не стало тихо да грустно. По-прежнему тут слышались птичий свист, и гомон, и хлопанье крыльев. Повадились бегать на луг молоденькие зайчата, и что только не делали они в густой траве! Играли в догонялки, друг через дружку прыгали, кувыркались. . .

— А ты, бабушка, чем недовольна? — спрашивали зайчата Старую Лошадь.

— Чему ж тут радоваться! — отвечала Старая Лошадь. — О-хо-хо. . .

— Да ведь так славно, так замечательно!!

— И ничего замечательного, — сказала Старая Лошадь. — Просто вы молодые и глупые. Ещё не знаете, что скоро этот луг выкосят. И везде трава пожелтеет, и листья с деревьев осыплются, и гнилая осень наступит. Подождите, ещё хлебнёте горюшка!

И впрямь подступила осень. Желтеет трава, течёт с деревьев мёртвый шуршащий лист. Пустынно и ветрено на выкошенном лугу.

Но всё равно весело.

Сбились стаями грачи, кружатся над лугами. И снова поют жаворонки, собираясь в отлёт. И молодые журавли учатся летать строем, кричат в небе и курлычут, будто весной.

А ласточки-береговушки носятся такой стремительной стайкой, что даже не понять — сами они свистят или это воздух в крыльях посвистывает!

— Чем, чем ты недовольна? — кричат ласточки Старой Лошади.

— Чему тут радоваться-то? — отвечает Старая Лошадь. — Охо-хо-хо-хонюшки...

— Да разве не замечательно, разве не прекрасно кругом!!

— И ничего прекрасного, — сказала Старая Лошадь. — Просто вы молодые и глупые. Ещё не знаете, что зима на носу. И всё тут снегом завалит, и морозы затрещат, а вам, чтобы спастись, надо за тридевять земель отправляться. Через горы, леса да моря... Подождите, ещё хлебнёте горюшка!

— Да ведь это так интересно! — закричали ласточки. — Лететь через горы! Через леса! Через далёкие моря! Скорей бы, скорее!!

И вот одни за другими стали улетать птицы. Первыми тронулись в путь золотые иволги, чечевички, перепела, вслед за ними заторопились мухоловки, соловьи, стрижи.

Настала очередь и ласточек.

Поднялись они высоко над лугами, сделали круг над голубой речкой, которая опять стала полноводной, пролетели над полями, над ярким осенним лесом.

И опять посвистывал воздух в крепких молоденьких крыльях ласточек.

А внизу, понурив голову, стояла на лугу Старая Лошадь. И дождик мочил её спину.

КАМЫШ

Растёт Камыш на озере. Кланяется от ветра. Качает метёлками.

— Метёлки, метёлки, вы что подметаете?

— Воду.

— Во-о-оду?! Зачем же подметать воду?!

— Мусорная стала за лето. И трава на ней, и листья грязные, и тина зелёная, и ряска... А подметём — станет вода, как зеркальце!

— Да зачем нужна вода, как зеркальце?

— Пусть осеннее Солнышко в неё поглядится. Пускай птицы перед отлётом на себя поглядят. Да и мы, метёлки, наглядимся вволю, налюбуемся сами собой!

ГРИБНОЙ ДЫМ

— Батюшки мои, пожар!! Батюшки мои, горим!.. Откуда-то дым страшный валит!

— Вона, из грибов. Только и всего.

— Ай, и верно! Из грибов-пузырей дым повалил! Это что же творится-то, милые мои?!

— А ничего. Лось проскакал. Грибы-дождевики растоптал.

— Дак почему ж они дымятся-то?!

— Тьфу ты! Да потому, что спелые! Это не дым валит, это споры грибные, семена грибные, по ветру летят!

— Ну, тогда вали, дым, гуще, грибов будет пуще!

ВСЕМ ВАМ КРЫШКА

Шёл Морозко первый раз по лесу и ноги промочил. На земле ещё осенние лужи были, в болотах — воды полно, а лесные озёра от ливней даже из берегов вышли.

А у Морозки ноги в валенках. Неспособно шлёпать.

Зачихал Морозко, носом захлюпал. А потом рассердился и начал рукавицами друг о дружку похлопывать. Как хлопнет — так ледяная крышка готова.

Для луж — маленькие крышечки понаделал.

Для болот — побольше крышки.

Для прудов и озёр — совсем большие крышки, крепкого зелёного льду.

Взял их Морозко в охапку и пошёл воду запечатывать.

— Сейчас, — говорит, — всю эту слякоть прикрою.

Наклонился над лужицей, крышечку примеривает.

А из лужицы слабенькие голосишки:

— Морозко, Морозко, не запечатывай лужу, не опускай крышечку!

Смотрит Морозко, а в луже всякой живности полно: тут и жуки-плавунцы, и жуки-водолюбы, и жуки-

вертячки, тут водяные паучки, блошки да личинки... Снуют-суетятся!

— Хватит! — сказал Морозко. — Отжили. Всем вам крышка!

Примерился — хлоп! — и вмиг лужу запечатал.

Дальше идёт. К болоту выбрался.

— Сейчас, — говорит, — и здесь воды не будет. Подберу крышечку!

А из болота голоса слышны:

— Морозко, Морозко, не опускай крышку, не запечатывай болото!

Глянь — и тут жителей полно: лягушки, тритоны, улитки копошатся.

— Хватит! — сказал Морозко. — Отжили. Всем вам крышка!

Примерился — хлоп! — и вмах болото запечатал.

Дальше идёт. На озеро вышел.

— Сейчас, — говорит, — самую большую да толстую крышку подыщу!

А из озера голоса слышны:

— Морозко, Морозко, не опускай крышку, не запечатывай озеро!

Глянь — рыб в озере полно. Тут и щуки, и окуни, и пескари, и мелюзга всякая, мальки-сеголетки.

— Хватит! — сказал Морозко. — Отжили! Всем вам крышка!

Примерился, прицелился — хлоп! — и легла на озеро толстая ледяная крышка.

— Вот так! — Морозко говорит. — Теперь моё времечко — по лесам да полям разгуливать. Захочу — помилую, а захочу — так всех погублю!

Похваляется Морозко, идёт по лесу, ледком похрустывает, по деревьям постукивает.

— Я один тут властелин!

И невдомёк Морозке, что все водяные жители живы-здоровы остались.

Жуки да личинки на дно опустились, в мягкий ил закопались.

Лягушки в тину зарылись, улитки вход в раковину известковыми дверцами закрыли.

Рыбы яму отыскали поглубже, улеглись рядком, спят.

А для тех, кто не спит, люди прорубь во льду устроили.

— Дышите себе, — говорят, — на здоровье!

Конечно, не слишком весёлое житьё подо́ льдом. Но ничего. До весны дотянуть можно.

А весна придёт — все Морозкины крышечки распечатает!

ВОРОНА И СИНИЦА

— Все звери от холода в норы попрятались, все птицы от голода чуть живы сидят. Одна ты, Ворона, во всё горло раскаркалась!

— А может, мне хуже всех?! Может, это я «карраул» кричу!

НЕ СТУЧАТЬ — ВСЕ СПЯТ!

Дятел — Красная Шапка сел на кривую ёлку, хвостом подпёрся, башкой размахнулся:

Тук-тук! Тук-тук! — застучал носом.

Вдруг из-под ёлки, из-под корня-выворотня рычат сердито:

— Эт-та что за стук? Эт-та что за бряк? Кто это мне спать мешает?

— А сам-то, — Дятел спрашивает, — ты кто?

— Медведь. А ты Дятел, что ли?

— Дятел.

— Пошёл вон! Зима на носу, я в нору забрался, спать навострился. Нечего тут мешать! — кричит Барсук.

— Чего расстучался, длинноносый?

— Жуков да личинок ищу.

— Ступай отседа. Я уже в берлогу завалился, спать наладился, мне покой нужен. В другом месте стучи.

Делать нечего, полетел Дятел — Красная Шапка в другое место. На горелую сосну прилепился, хвостом подпёрся, носом заработал:

Тук-тук-тук!

Вдруг из-под сосны, из тёмной норы, кричат недовольно:

— Кто это трещит, кто барабанит?!

— А ты сам кто?

— Барсук я! Барсук! А ты, не иначе, Дятел, пустая твоя башка!

— Чего злишься? Я жуков да личинок ищу.

— Пошёл вон! Зима на носу, я в нору забрался, спать навострился. Нечего тут мешать!

Взмахнул Дятел крыльями, полетел в другое место. На трухлявую берёзу сел.

Тук-тук-тук-тук-тук!

А из-под берёзы, из ямки между корней, пищат злым-презлым голоском:

— Кто колотит?! Кто звонит?! Кто барабанит?! Это Дятел, да? Ах ты, пустозвон, нос у тебя долог, да ум короток!

— Ох, батюшки... А ты сам кто?

— Ёжик я! Ёж!! Ёжище!!! Убирайся прочь сейчас же! У меня тут норка, я в листья закопался, спать собрался. Не смей будить!

— Да что же это? — Дятел говорит. — Здесь не стучи, там не стучи. А как мне кормиться-то?!

— Если спать не умеешь, — Ёжик отвечает, — так веди себя тихо, смирно. Других не буди. Нельзя сейчас трескотню разводить. Все умные звери спят!

ЛОСЬ И СОРОКА

— Вот не везёт, вот не везёт!

— Почему тебе, Лось, не везёт?

— Думал, снегу в лесу насыплет повыше, буду до сосенок доставать, макушки обкусывать...

— А снегу-то высоко насыпало!

— Да что толку, если я в него проваливаюсь?!

МЫШЬ И СОРОКА

— Р-расступись, народ! Р-разбегись! Это я, Лесная Мышь, по лесу иду!

— Чегой-то ты грозная такая?

— А я у Медведя в берлоге живу!

ВЕСЁЛЫЙ ДЕНЁК

Стояли зимние дни хмурые, тоскливые: рассветает поздно, темнеет рано, света белого не видать. Будто тянутся сплошные, долгие сумерки...

И вдруг улыбнулась погодка: выпал чистый мягкий снежок, с неба тучи ушли, солнышко проглянуло. И так-то сделалось славно в лесу! Сахарный снег блестит-переливается, все деревья цветными сделались: ёлки — с коричневой шкуркой, сосны — с жёлтенькой, осинки — с зелёненькой, берёзки — с пёстренькой, будто в родимых пятнышках. И над всем лесом голубое небо сияет!

Развеселились лесные жители, игры затеяли. «Хоть на денёк,—думают,—зимнюю скуку стряхнём!»

Одному лишь старому Ворону нет охоты веселиться. Какое старику веселье? На белый снег посмотрит — глазам больно. На голубое небо взглянет — голова кружится.

— Экая дрянь, — говорит, — кругом! Пестро, шумно... Спокойно подремать не дадут!

Снялся с берёзы и полетел местечко потемней да поглуше искать.

У лесного ручья присел в первый раз отдохнуть.

А вдоль ручья Енотик бежит, да как-то странно бежит: и подпрыгивает, и приплясывает, и лапами притопывает.

— Ты куда? — спрашивает Ворон.

— Да никуда, — Енотик отвечает. — Так просто. Бегу, и всё.

— А зачем?

— Да ни за чем. Я вот на следочки гляжу... Наступлю лапой — и вот следочек. Отсюда поглядеть — голубенький. А отсюда — розовенький. Интересно!

— Экой дурень, — Ворон бормочет. — Погоди, сейчас накаркаю на твою голову... Чтоб не дурил. Кар-р-р-р!.. — И говорит: — А ты поближе к берегу ступай. Там следочки ещё интересней будут!

Повернул Енотик к берегу, бежит-подпрыгивает.

А у берега ледок тоненький, слабый. И снежком присыпан. И если наступить — тотчас проломится.

Захрустело у Енотика под лапами, забулькало. Еле успел на берег выскочить. Пузечко замочил. Но повернулся к Ворону да как заулыбается:

— Ой, и верно! Ой, и верно!

— Чего верно?

— Следочки другие стали! Были голубенькие, были розовенькие, а под берегом — чёрненькие! Вот интересно-то!

Каркнул Ворон со злости, взмахнул крыльями, полетел прочь. В частом осиннике присел отдохнуть во второй раз.

А по частому осиннику бредёт молодой Лосёнок и что-то непонятное делает: то боднёт осинку, то за веточку потянет.

— Ты это чего? — спрашивает Ворон.

— Да так, — Лосёнок отвечает. — Вот деревья трясу.

— Зачем?

— А с них снежок сыплется... То струйками течёт. То комочками падает. И щекотно так!

— Опять дурень попался... — бормочет Ворон.— Видали дурня? Погоди, накаркаю на твою голову... Кар-р-р-р!.. — И говорит: — Ты большую осину тряхни. На ней снега уйма!

Подбежал Лосёнок к большой осине. Лбом нацелился. А у этой осины макушка гнилая. Тронь её — вниз обрушится, зашибёт!

Боднул её Лосёнок и еле увернуться успел. Ахнула вниз макушка, только треск пошёл!

Но не испугался Лосёнок. Смеётся:

— Ой, как здорово! Не струйками снег, не комочками — целым облаком! Уй, до чего щекотно!..

Разозлился Ворон ещё пуще, поднялся над осинником, прочь полетел.

В третий раз на вырубке сел отдохнуть.

А по вырубке через пеньки Заяц скачет. Уши приложил, наподдаёт ходу изо всех сил.

— Эй, далеко ли бежишь?

— Да вот, — кричит Заяц, — хочу от своей тени убежать! Мы с ней в догонялки играем!

— Этот всем дурням дурень! — бормочет Ворон. — Погоди, уж тебе-то я беду накаркаю... Кар-р-р-р... — И говорит: — А ты с горки попробуй бежать. С горки-то быстрей!

Выскочил Заяц на горку — да вниз. А у Зайца передние лапы коротенькие, и если по склону бежать, кувырнёшься...

Перекатился Заяц через голову да потом кубарем, кубарем, в сугроб — у-ух! — и пропал.

— Вот тебе! — Ворон говорит. — Вот тебе кара! Не дури, не дури!

А Зайчишка голову из сугроба высунул, хохочет:

— Обогнал! Обогнал!!

— Кого?

— Тень свою обогнал! Не было её в сугробе, не было, значит, сзади осталась! Вот ловко-то!

И до того счастливая рожица у Зайца была, что не стерпел Ворон — сам улыбнулся.

А как улыбнулся — и глаза перестали болеть.

И голова больше не кружится.

И на душе веселей.

Поднялся Ворон повыше над лесом да и кувыркаться в воздухе начал. Турманом, турманом!

— Кар-р! Хар-роший денёк!

МОРОЗКИНА РУКАВИЦА

Морозко в лесу рукавицу обронил. До того жалко: рукавица новая, почти не ношенная, ни разу не чиненная. И на́ тебе — потерялась!

— Пойду искать! — Морозко говорит. — Не иначе, как звери-птицы её нашли, чужим добром пользуются... Отниму да за уши оттреплю!

Скачет Морозко по ельничкам, по березничкам, по глухим боркам, по сухим лескам. Туда глянет, сюда глянет — не видать рукавицы.

У Волка Морозко спрашивает:

— Эй, Серый, не ты мою рукавицу подобрал? Коли ты, отдавай мигом!

— Рукавица-то тёплая? — спрашивает Волк, а сам зубами ляскает.

— То-то и оно, что не тёплая! — говорит Морозко. — Хорошая рукавица, холодная! Из белых снегов прядена, метелью вязана, ледяной иглой вышита!

— Тьфу! — сердится Волк. — Я и без твоей рукавицы продрог, зуб на зуб не попадает. Нашёл бы — не взял!

Скачет Морозко по кустикам, по опушечкам, по крутым бережкам, по низиночкам. Туда глянет, сюда глянет — не видать рукавицы.

У Зайца спрашивает Морозко:

— Эй, Косой, не ты мою рукавицу подобрал?

— Тёплая небось? — спрашивает Заяц, а сам дрожьмя-дрожит.

— Кабы тёплая, не жаль! — говорит Морозко. — Замечательная рукавица, хо-олодная! Из белых снегов прядена, метелью вяза...

Не дослушал Заяц.

— Тьфу ты! — сердится. — Я без твоей рукавицы до смерти озяб! Она мне с придачей не надобна!

Скачет Морозко по тропкам, по дорогам, по чистым лугам, по широким полям. Туда глянет, сюда глянет — не видать рукавицы.

У Воробья спрашивает Морозко:

— Эй, Кургузой, не ты мою рукавицу подобрал да запрятал?

— А тёплая рукавичка-то?

— Говорю вам: холодная! Кому тёплая нужна?! Самая лучшая у меня рукавица была — из снегов прядена, метелью вя...

Не дослушал Воробей.

— Тьфу ты! — взъерошился. — Я без твоей рукавицы чуть жив! И нашёл бы, так выбросил!

Удивляется Морозко: что такое? Никто, оказывается, рукавицу не брал. Никто ей не пользуется. Где ж она есть?!

А она — вот.

Лежит у всех на виду, на речном льду, искрами холодными переливается. Прекрасная рукавица — из белых снегов прядена, метелью вязана, ледяной иглой вышита...

И никому не нужна.

КАК ПРИБАВЛЯЕТСЯ ДЕНЬ

В самую глухую пору Зима вошла. Самые короткие дни настали. Короче некуда.

Хорошо тем, кто по норам да по берлогам спит, долгие сны видит. А каково тем, кто не может спать, кто кормиться должен?

Воробей в городе терпел, терпел да не удержался:

— Зима, надо бы и совесть знать! За ночь-то я проголодаюсь — просто сил нет, поутру на дорогу слечу, стану пропитания искать. А быстро ли зобик набьёшь? Много ли добра на дороге валяется? Глянь — тут и смеркаться начинает... Не могу я голодным сидеть! Не желаю раньше смерти помирать! Что хочешь, Зима, делай, а день прибавляй! Хоть на воробьиный скок!

— Так и быть, — согласилась Зима. — Прибавлю тебе день на воробьиный скок. Благодари меня, добрую!

Вот и вправду: чуть раньше солнышко встаёт, чуть позже садится. Прибавился день на воробьиный скок. Но только не все довольны.

Лесная Мышь сидит на пеньке, обижается:

— Зима, где у тебя совесть? Поначалу ещё мож-

но было терпеть, семян много было в лесу. А теперь всё подобрано, всё съедено-сгрызено. Попробуй-ка прокормись! Что хочешь делай, а пусть день прибавится! Хоть на мышиный зубок!

— Ладно, — сказала Зима. — Прибавлю. Благодари меня, добрую!

И впрямь: ещё раньше солнышко всходит, ещё поздней садится. На мышиный зубок прибавился день. А недовольные опять нашлись.

— Экая ты, Зима! — Синица на ветке говорит. — Никакого с тобой сладу! Ну, потереблю я в бурьяне метёлки, зёрнышек поклюю. А на то, чтобы носок почистить, дня не хватает! Что же, всю зиму с грязным носом летать?! Что хочешь делай, а изволь — прибавляй день. Хоть на синичий носок!

— Ну, — Зима говорит, — куда ни шло! Прибавлю, прибавлю. Благодарите меня, добрую!

Вот и ещё пораньше солнышко встаёт, попоздней садится. Прибавился день на синичий носок.

Осмотрелась Зима и видит:

воробьи-то весь светлый день трещат, дерутся, друг дружку за вихры таскают;

мыши-то, ни много ни мало — гнёзда вить надумали, мышат выводить собираются;

синицы на ветках поют без умолку, звенят, цвинькают, и песня у них — весенняя!

— Вот тебе и на́! — Зима говорит. — Я-то стараюсь, я-то угождаю привередам! А они вместо благодарности о весне думают!

* * *

— Ох, да что же это в лесу делается! Это не весна, это зима лютая, холода январские!

— Нет, это всё-таки весна! Весна-красна!

— Да глянь — птицы мёрзнут, звери зябнут, деревья обледенели!

— Да это Мороз, голова дурная, на прощанье балуется!

* * *

— Солнышко, солнышко, выгляни в окошечко! Тут мои детки бегают по ветке!

— Чьи это детки бегают по ветке?

— Мои, мои, белкины!

* * *

— Людей не видать, зверей не видать, птиц не видать, а в лесу шум, в лесу голосов звонких полно!

— Это ручейки под снегом разговаривают!

СОДЕРЖАНИЕ

«Чу, весенние капли заиграли!» 3
Тетерева над водой . . . . . —
Жаворонок 4
Всему свой срок . . . . . —
Берёзовый кувшинчик 6
Рысь, Глухарь, Заяц и Косуля 7
Зачем большая голова? 9
Лось и Мышь 10
Воробей и Лягушка 11
Заяц и Ёжик . . . . . —
Один день 12
Сколько лет, сколько зим? 22
Комары-толкунчики 23
Одна за всех . . . . . —
Чёрный клюв и белый клюв . . . . . —
Упрямая дудочка 24
Лебедь, Рак и Щука . . . . . —
Рожки да ножки 27
Подорожник 28
Храбрый птенец . . . . . —
Тяжёлая работа 29
Коростель и Грач . . . . . —
Выпь и Утка . . . . . —
Что белки делают? 30
Что это ночью светится? 32
Кому жарко, кому холодно 35
Кто копыто потерял? . . . . . —
Кто на кого похож? 38
Ох, тяжело! 40

Чем плавунец дышит? 40
Звон в голове 41
Кто стрелял? . . . . . —
Брусника . . . . . —
Кузнечики 42
Одуванчик . . . . . —
Молчком-то лучше! 43
Весело или грустно? 45
Камыш 47
Грибной дым . . . . . —
Всем вам крышка 48
Ворона и Синица 50
Не стучать — все спят! . . . . . —
Лось и Сорока 53
Мышь и Сорока . . . . . —
Весёлый денёк . . . . . —
Морозкина рукавица 56
Как прибавляется день 58
«Ох, да что же это в лесу делается!..» 59
«Солнышко, солнышко, выгляни в окошечко!..» . . 60
«Людей не видать, зверей не видать...» . . —

Для младшего школьного возраста

Шим Эдуард Юрьевич

КТО КОПЫТО ПОТЕРЯЛ?

Рассказы и сказки

Ответственный редактор *Л. Р. Баруздина.*
Художественный редактор *Н. И. Комарова.*
Технический редактор *Г. В. Козлова.*
Корректор *Л. М. Короткина.*
Сдано в набор 9/I 1969 г. Подписано к печати 7/IV 1969 г. Формат 60 × 90¹/₁₆. Печ. л. 4. (Уч.-изд. л. 2,58). Тираж 300 000 экз. ТП 1969 № 206. Цена 9 коп. на бум. № 2. Издательство «Детская литература». Москва, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Комитета по печати при Совете Министров РСФСР. Ленинград, 2-я Советская, 7. Заказ № 500.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

В серии „Книга за книгой“ в 1969 году вышли и выходят следующие книги:

Брагин В. ОРАНЖЕВОЕ КРУЖЕВО.

Рассказы натуралиста из жизни природы.

Перовская О. ТИГРЁНОК ВАСЬКА.

Рассказы о животных.

Снегирёв Г. ЧУДЕСНАЯ ЛОДКА.

Рассказы о жизни природы и животных.

Погодин Р. МУРАВЬИНОЕ МАСЛО.

В книгу входят приключенческая повесть „Муравьиное масло“ и рассказы.

Сотник Ю. ДРЕССИРОВЩИКИ.

Три весёлых рассказа о старой, довоенной школе.

Кнорре Ф. СОЛЁНЫЙ ПЁС

Рассказ о приключениях собаки, подобранной в одном из иностранных портов командой советского судна.

Эти книги по мере выхода их в свет можно приобрести в магазинах Книготорга и потребительской кооперации.

Книги высылаются также по почте наложенным платежом отделом „Книга — почтой“ областных, краевых и республиканских книготоргов.

9 коп